

«Ионыч» А.П. Чехова и «Мидлмарч» Дж. Элиот: судьба человека в «опустошающей душу житейской трясине»

Гнюсова И.

Рассказ «Ионыч» (1898) считается одним из хрестоматийных произведений А.П. Чехова, отражающих взгляды писателя на назначение человека. Тем не менее интерпретация этого рассказа остается одним из актуальных вопросов современного чеховедения. Об этом свидетельствует регулярное появление статей, в которых исследователи пытаются с разных позиций опротестовать стереотипную трактовку «Ионыча». В настоящей работе будет также предпринята попытка по-новому взглянуть на концепцию рассказа путем сравнительного анализа чеховского произведения с романом Джордж Элиот «Мидлмарч».

Самое известное творение Элиот и «величайший из написанных на английском языке» романов в сознании каждого англичанина, «Мидлмарч» был создан в 1871-1872 гг. Как и все произведения английской писательницы, он оказался незамедлительно переведен и опубликован в российских журналах «Отечественные записки» (1872) и «Дело» (1872-1873), а в 1873 г. вышел двумя отдельными изданиями. Творчество Элиот имело значительный резонанс в литературных кругах того времени: как замечает Б.М. Проскурнин, «...ни один обзор современной иностранной литературы в 1850-1870-х годах не обходился без разговора о ней, не говоря уже об особо близких отношениях Элиот и И. С. Тургенева, пристальном интересе к ее прозе со стороны Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского». Из записок Д.П. Маковицкого, кстати, достоверно известно о знакомстве Толстого с романом «Мидлмарч».

Читал ли его Чехов? Никаких прямых свидетельств этого в записных книжках, письмах и произведениях писателя не обнаруживается. Однако нам представляется, что такое знакомство было вполне возможно уже в момент публикации романа, несмотря на то, что Чехову в это время было только 12-13 лет. По словам В.В. Ермилова, для будущего писателя «это были годы, наполненные уже вполне осознанным, огромным трудом самовоспитания», главной составляющей которого было чтение.

На творчество Элиот Чехов мог обратить внимание и позже. В 1880-е гг., когда он сам пробует свои силы как литератор, имя писательницы продолжает регулярно появляться на страницах ведущих изданий. В начале 1881 г. почти все газеты и журналы печатают некрологи (Элиот умерла в декабре 1880 г.), а затем размещают очерки биографического характера. В 1884 г. такой очерк публикует в «Вестнике Европы» и А. С. Суворин, в дальнейшем один из близких друзей Чехова. И хотя знакомство их состоится только в 1885 г., нельзя отрицать возможность того, что в разговорах двух литераторов обсуждалось творчество Элиот, занимающей, по словам Суворина, «почетное место между самыми первоклассными европейскими романистами».

Статьи и отдельные издания, посвященные жизни и наследию Джордж Элиот, продолжают выходить и в 1890-е гг. Одним из заметных явлений стала книга Л.К. Давыдовой, выпущенная в 1892 г. в серии «Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова». В ней дается весьма односторонняя и субъективная оценка произведений писательницы, однако точно характеризуется «миросозерцание Джордж Элиот и ее жизненная философия». Так, Давыдова подчеркивает, что «положительные типы» Элиот «вовсе не какие-нибудь образцы героических добродетелей; они не совершают никаких особенных подвигов, а живут той обыденной, повседневной жизнью, какую живет громадное большинство человечества, и стараются по мере сил и возможностей облагородить эту жизнь для себя и облегчить ее для других». Этот тезис автор очерка подкрепляет собственными словами Элиот из статьи 1857 г.: «Чувство сострадания к людям не находится в прямой зависимости от

веры в будущую жизнь; напротив, может быть, у многих людей сознание того, что жизнь так коротка и что с нею все кончается, скорее может породить нравственное воодушевление, чем идея о бесконечном существовании».

Легко заметить, что квинтэссенция основных идей Элиот – человек живет здесь и сейчас, он сам определяет свою жизнь и должен по мере сил совершенствовать ее – весьма близка чеховской философии человека. «Именно сознание того, что человек создан для больших дел, для большого труда, заставило Чехова вмешаться в обыденную, мелочную сторону жизни - не с тем, чтобы прямо обличать или негодовать, а с тем, чтобы показать, как эта жизнь несообразна с заложенными в этих людях возможностями, – пишет об этом Б.М. Эйхенбаум. – <...> Он видел, что люди сами тяготятся этой неурядицей, этой «путаницей мелочей», этой житейской «тиной».

Частая публикация биографических очерков об Элиот дает основание говорить еще об одном возможном связующем звене между ней и Чеховым. Это звено – Джордж Генри Льюис, гражданский муж писательницы, известный в России английский философ, ученый и литературный критик. В 1859 г. он создал один из первых в мире научно-популярных трудов по медицине – книгу «Физиология обыденной жизни», в которой несведущему в анатомии читателю «в живой форме рассказывалось о том, что происходит в теле ежедневно, ежечасно и ежесекундно». Книга была переведена на русский язык в 1861 г. (и переиздавалась в 1863 и 1876-м) и приобрела огромную популярность: ее рецензируют ведущие критики; о ней упоминает в своем романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевский¹; возможно, именно эту книгу Льюиса читает и Анна Каренина в рукописном варианте толстовского романа. Но наиболее существенной для Чехова как врача могла быть рекомендация знаменитого русского физиолога И.П. Павлова, который неоднократно признавался, что именно «Физиология обыденной жизни» перевернула его взгляд на мир и пробудила интерес к науке – впоследствии он был способен наизусть цитировать целые страницы из книги Льюиса.

Внимание к обыденной жизни и ее максимально объективное, методичное, почти научное исследование – это тот «узел», в котором сходятся интересы Чехова, Льюиса и Джордж Элиот. Писательница известна своим интересом к естественным наукам и увлечением философией позитивизма. Важность основной профессии Чехова для его творческого метода также отмечалась многими исследователями: «Медицина была дорога ему как правильный метод познания человека и общества, как научная опора для художественного наблюдения и разработки материала, чтобы не впасть в субъективизм, не поддаться личным представлениям, не утратить чувства целого, не выйти из круга жизни». И именно эта особенность чеховской поэтики – максимально объективное отображение жизненных явлений и характеров – сближает его произведения с викторианской литературой, и прежде всего с аналитическим психологизмом Элиот. Для творчества писательницы принципиально важна эстетика «правдивости и точности воспроизведения жизни». Элиот, как подчеркивает Б.М. Проскурнин, стремилась изображать «жизнь как процесс, как единый поток со всей совокупностью детерминант, причин и следствий, с генетическим синтезом прошлого и настоящего». Не случайно роман «Мидлмарч» имеет подзаголовок, прямо указывающий на «научность» авторского метода: «A Study of Provincial Life» – «Исследование провинциальной жизни».

Принципиально важным в этом смысле является и тип героя, которого Элиот и Чехов ставят в центр своих произведений. Это тоже ученый- естествоиспытатель и одновременно практикующий врач, причем врач провинциальный, который «изнутри» продолжает исследование социально-психологических закономерностей обыденной жизни людей. Такому аналитическому подходу способствует и одинаковый сюжетный ход: и доктор Лидгейт, и доктор Старцев - новички, сторонние люди в провинциальном городе, куда они прибывают в начале повествования. Оба покровительственно оценивают, «что это за люди» вокруг них, но очень скоро сами поглощаются этой средой, становятся ее частью.

Герой-врач, молодой интеллигент с амбициозным желанием преобразить мир - знаковый герой для викторианской литературы 1860-1870-х гг., когда на волне научных открытий (прежде всего теории Дарвина) интеллигенция начинает занимать ведущую позицию в обще-

ственной жизни Англии. Именно Элиот в своих произведениях обратила пристальное внимание на этот процесс формирования нового передового класса людей и на испытания, которым подвергается такой герой. Не случайно в более ранней европейской литературе можно с трудом вспомнить произведения, в центре которых находится герой-врач.

Образ молодого интеллигента оказался удобным материалом для реализации ключевой идеи Джордж Элиот. Б. М. Проскурнин справедливо указывает на то, что, как и почти все ее произведения, «Мидлмарч» – роман «о призвании, которое ищет, обретает или не обретает, за которое борется, побеждая или терпя поражение, герой или героиня».

В «Мидлмарче» писательница реализует оба варианта, делая центральными персонажами образованную девушку с пылким характером и молодого доктора, «интеллектуально воспроизведенный процесс самоопределения» которых и «составляет основу сюжета и конфликтной системы романа». Главным противником героев на этом пути становится сам город – Мидлмарч, «его атмосфера, нравственные и этические горизонты».

Даже если Чехов и не читал роман Элиот, созданное им произведение о судьбе молодого и неглупого врача, презиравшего рутину и пошлость, но пришедшего к еще более печальному итогу («не человек»), сразу после публикации вошло в большой литературный контекст, известный его читателям². Конечно, традиция литературы о врачах существовала и в России («Доктор Крупов» А.И. Герцена, «Некуда» Н.С. Лескова, «Отцы и дети» И. С. Тургенева), но только в «Мидлмарче» этот тип героя оказался столь явно подчинен близкой Чехову викторианской идее о героизме обыденной жизни, о тяготах борьбы человека за право оставаться верным своей нравственной позиции. На наш взгляд, параллели между судьбами двух докторов – Старцева и Лидгейта – свидетельство не просто случайного типологического сходства, но принципиальной близости Чехову викторианской философии человека, общности художественного метода и ключевых нравственно-философских убеждений Элиот и русского писателя.

Неслучайно в этой связи и то, что рассказ «Ионыч» был написан Чеховым сразу после возвращения из-за границы, где в Париже и двух французских курортных городах – Биаррице и Ницце – писатель прожил в общей сложности восемь месяцев. Широко известно его признание в «страстной любви» к европейской культуре. Кроме того, именно во время пребывания Чехова во Франции произошел очередной виток знаменитого «дела Дрейфуса», когда Эмиль Золя вступился за осужденного и выдвинул публичное обвинение против французских властей. В то время как в России многие считали этот поступок неприемлемым, Чехов горячо отстаивал правоту Золя и восхищался его гражданским мужеством. «Ионыч» и «Маленькая трилогия», написанные летом 1898 г., во многом отражают тоску Чехова по тому уважению к личности и вниманию к собственному достоинству, которое остро чувствовал писатель в Европе. Эти рассказы становятся его своеобразным диалогом с европейскими писателями о ценности человека и о личной ответственности за свою жизнь – и в ряду этих писателей, безусловно, фигурирует и Джордж Элиот.

Образы двух провинциальных городов, воплощение «трясины опустошающих душу житейских дрязг» (цитата из «Мидлмарча»), – первая и наиболее яркая художественная параллель между произведениями Элиот и Чехова. Мидлмарч, как и город С., не просто «среда», но метафорическое воплощение всего, с чем приходится бороться на жизненном пути любому человеку, – мелочности, пошлости, ограниченности интересов, злословия, косности и предубеждений. Этимология вымышленного топонима Элиот совершенно очевидна: ключевая его часть, слово «middle», «средний», – это и символ усредненности, обывательского существования без высоких целей, и одновременно собирательный образ среднего английского городка и жизни среднего класса.

Подобную символику можно увидеть и в чеховском «губернском городе С.» – аналогия с романом Элиот позволяет предположить, что С. – это тоже «средний город» с той же смысловой нагрузкой. Эмоциональные образы, сопровождающие упоминание об обоих топосах, аналогичны у Элиот и Чехова: в городе С. «приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни»; доктор Лидгейт впервые появляется в тексте с чувством «унылого ожидания

вкупе с печальным убеждением, что от Мидлмарча вообще нельзя ожидать ничего хорошего».

Основной сюжет рассказа «Ионыч» имеет очевидное типологическое сходство с одной из двух линий романа «Мидлмарч», где рассказывается о судьбе молодого врача Тертия Лидгейта. В начале действия он приезжает в провинциальный город, имея твердое намерение совершить прорыв в науке и медицинской практике, но очень скоро его амбициозные планы терпят крах, и в дальнейшем он будет вынужден влачить свое существование, убажывая «платежеспособных пациентов» на морском курорте и недалекою красавицу-жену. Однако при внимательном рассмотрении в рассказе Чехова обнаруживается упоминание и о второй сюжетной линии романа Элиот. Это не что иное, как роман Веры Иосифовны Туркиной, который она читает во время первого визита Старцева в их дом: «...как молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки и как она полюбила странствующего художника».

О.В. Богданова полагает, что этот сюжет «отчасти напоминает «Дом с мезонином» Чехова». Однако возможна и другая, менее очевидная гипотеза о происхождении истории Веры Иосифовны: это немного видоизмененное изложение судьбы Доротеи Брук, героини романа «Мидлмарч». Девушка из обеспеченной английской семьи жаждет принести пользу людям: так, она мечтает «купить землю и основать деревню, которая станет школой разумного труда», а впоследствии жертвует деньги на экспериментальную больницу. В финале Доротея отказывается от наследства ради того, чтобы выйти замуж за бедного молодого человека Уилла Ладислава, который в начале романа собирается стать художником, а в дальнейшем посвящает жизнь политической деятельности.

Семья Туркиных, «самая образованная и талантливая» в городе С., также имеет аналог в романе Элиот. Подобно тому, как новый земский доктор Старцев вскоре после назначения получает приглашение в гости к «умной, интересной, приятной семье», Лидгейтом с первых дней его работы в Мидлмарче начинают интересоваться в доме Уолтера Винси, фабриканта и будущего мэра города. Эпизоды посещения главными героями семейных вечеров в наиболее известном доме города содержат чрезвычайно много переключек. Схожи образы хозяев - Ивана Петровича Туркина, «полного, красивого брюнета с бакенами» и «смеющимися глазами», любителя принимать гостей, «шутить и острить», и Уолтера Винси, «дородного человека» «цветущего вида», «любящего пожить в свое удовольствие» и предпочитающего «всем другим ролям. роль хлебосольного хозяина». Простодушие и «веселая шутливость в обращении с мужем и детьми» миссис Винси так же могут быть соотнесены с напускным кокетством «баловницы» Веры Иосифовны. Но главное, что сближает описание обеих семей, – это атмосфера искренней радости, добродушия и умение наслаждаться жизнью, которое проявляют те и другие хозяева.

«Мидлмарч»	«Ионыч»
<p>Лидгейт со времени своего приезда в Мидлмарч еще ни разу не бывал на столь приятном семейном вечере. Винси умели радоваться, забывать про заботы и не считали жизнь юдолью скорби, а потому тон их дома был редкостью для провинциальных городов той эпохи. У Винси играли в вист и карточные столы были уже разложены, а потому некоторые гости с тайным нетерпением ожидали, когда Розамонда кончит петь.</p> <p>Ее отец обводил взглядом гостей, наслаждаясь их восторгом, а мать сидела и, держа на коленях младшую дочь, нежно покачивала руку девочки в такт музыке. Даже Фред, не-</p>	<p>Туркины принимали гостей радушно и показывали им свои таланты весело, с сердечной простотой. В их большом каменном доме было просторно и летом прохладно, половина окон выходила в старый тенистый сад, где весной пели соловьи; когда в доме сидели гости, то в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком – и это всякий раз предвещало обильный и вкусный ужин. <...> – Ну, Котик, сегодня ты играла, как никогда, – сказал Иван Петрович со слезами на глазах, когда его дочь кончила и встала.</p>

смотря на свое скептическое отношение к Розе, слушал ее с искренним удовольствием, жалея только, что не может вот так же чаровать слушателей своей флейтой.	
---	--

В эпизоде первого посещения Старцевым дома Туркиных Чехов многократно повторяет эпитеты со значением покоя, удовольствия, наслаждения: «мягкий», «покойный», «ласковый», «нежный», «удобный», «приятный». Каждая деталь здесь описана с максимальной чувственной конкретностью, и при этом для сгущения смыслов автор задействует все пять органов чувств: «очень вкусные печенья. таяли во рту», «в мягких, глубоких креслах было покойно», «огни мигали так ласково в сумерках гостиной», «потягивало со двора сиренью», «слушать было приятно, удобно». Неслучайно здесь и метафорическое упоминание о весне (также настойчиво повторяемое автором) как аналога молодости героя и молодости его души: Старцев отправляется в гости «весной, в праздник», и внешность Екатерины Ивановны, с которой его знакомят, вся «говорила о весне, настоящей весне».

Художественная картина, нарисованная Чеховым, характеризует не только Туркиных, их простой и сердечный семейный уклад. Это, прежде всего, указание на способность главного героя к обостренному восприятию жизни, его умение чувствовать, которое будет утрачено Дмитрием Старцевым к концу рассказа. Эта способность обуславливает и его чуткость к другим людям, широту мышления, допущение иного взгляд на мир. Во второй части Старцев отправляется на кладбище именно потому, что убежден: «У всякого свои странности. Котик тоже странная и – кто знает? – быть может, она не шутит, придет». Через четыре года после неудавшегося сватовства и это приятие другого будет утрачено героем: «... обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его».

Своеобразной проверкой героя на умение чувствовать является музыка. О.В. Богданова, развивающая в своей статье мысль об изначальной «усредненности», «обычности» Старцева, указывает, что его восприятие фортепианной игры Котика («эти шумные, надоедливые, но все же культурные звуки» «однозначно становится выражением глухоты и равнодушия героя»). Но в то же время именно во время игры Котика на рояле Старцев понимает, что ему нравится героиня, «розовая от напряжения, сильная, энергичная, с локоном, упавшим на лоб». Эта энергия как будто передается и самому доктору, который после посещения Туркиных чувствует невероятный подъем сил: «Пройдя девять верст и потом ложась спать, он не чувствовал ни малейшей усталости, а напротив, ему казалось, что он с удовольствием прошел бы еще верст двадцать». Обращает на себя внимание и то, что Старцев напевает по дороге домой, изменив слова известного романса на стихотворение А.С. Пушкина «Ночь»: «Твой голос для меня, и ласковый и томный.» Это говорит о том, что герой не настолько лишен музыкальности и глух к искусству, как может показаться по его впечатлению от выступления Котика.

В романе «Мидлмарч» игра на рояле и пение героини также становятся первым шагом к влюбленности героя: «Лидгейт был полностью покорен и уверовал в исключительность Розамонды», заявив позднее, что женщина «должна вызывать то же чувство, что и чудесная музыка». Романы двух докторов схожи наличием внутренней борьбы между страстью (Старцев: «...я страстно хочу, жажду вашего голоса», «лунный свет подогревал в нем страсть»; «...не удержался и страстно поцеловал ее в губы» и голосом разума: «Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебе? Она избалована, капризна, спит до двух часов, а ты дьячковский сын, земский врач. Ее родня заставит тебя бросить земскую службу и жить в городе». Лидгейт вообще не думает о женитьбе, дав себе слово отложить это «... до тех пор, пока он не проложит для себя собственную дорогу в стороне от широкого истоптанного пути». Однако очарование Розамонды и ее слезы, вызванные его долгим отсутствием, ненароком приводят к объяснению: «... мысль, подобная молнии, озарила скрытые уголки его души и пробудила способность к страстной любви, которая не была погребена под каменными сводами склепа, а таилась у самой поверхности».

Оба доктора становятся жертвами собственных иллюзий. Старцев идеализирует восторженную и тщеславную Екатерину Ивановну: «Она восхищала его своею свежестью, наивным выражением глаз и щек. ... Он видел что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной грацией. И в то же время, она казалась ему очень умной и развитой не по летам». Лидгейт чудовищно ошибается, приписывая пустой и эгоцентричной Розамонде способность украсить его жизнь и облегчить кропотливый труд ученого-практика: «...вряд ли можно было бы найти избранницу безопаснее мисс Винси, чей ум украсил бы любую женщину – образованный, утонченный, восприимчивый, способный постигать деликатнейшие оттенки жизни и обитающий в теле, которое настолько все это подтверждает, что иных доказательств не нужно».

Однако Элиот, разумеется, не делает Розамонду Винси единственной виновницей краха благородных стремлений Лидгейта. Писательница показывает, как сам герой втягивает себя в паутину неразрешимых обстоятельств (больших денежных долгов и всеобщего осуждения после сомнительного случая с умершим больным) из-за своего характера. Лидгейта губят невнимание к чувствам других людей, самоуверенность, гордыня, тщеславное желание жить не хуже других и возможность пойти против убеждений ради собственной пользы (ситуация с выборами священнослужителя в больнице). Как и в рассказе Чехова, доктора здесь не «заедает среда»: трясины провинциального городка – только один, и не главный фактор, убивающий его мечту о славе ученого и осмысленной трудовой жизни.

На фоне «Мидлмарча» история доктора Старцева и вовсе лишена каких-либо отягощающих внешних обстоятельств. Котик отказывает ему, сомнительная женитьба не состоялась, с Туркиными он больше не общается, жители города С. не только не вредят герою, но, напротив, побаиваются его: «...за то, что он всегда сурово молчал и глядел в тарелку, его прозвали в городе "поляк надутый", хотя он никогда поляком не был». Однако Старцев теряет больше, чем жизненную цель, - он теряет в себе живую душу, способность к сочувствию и сопереживанию. Единственной страстью героя становится стяжательство, «в которое он втянулся незаметно, мало-помалу». Увеличение накоплений не имеет для Ионыча никакой конкретной цели – ему просто нравится «по вечерам вынимать из карманов бумажки, и когда собиралось несколько сот», отвозить их «в Общество взаимного кредита».

Лидгейт в конце жизни также приходит к внешнему благополучию: он приобрел огромную практику, «сделался богат» и поселил жену «в золоченой, благоухающей цветами клетке». Но этот финал имеет принципиальное отличие от чеховского: герой Элиот осознает, что с ним произошло, и не видит счастья в богатстве, «упорно называя себя неудачником». Более того, несчастья, случившиеся с Лидгейтом в Мидлмарче, заставляют его прозреть: герой начинает понимать как пустоту своей жены, так и бесценные душевные качества Доротеи, на которую он сперва смотрит с долей скептицизма; он становится терпимее и смиреннее, высокой ценой обретая жизненную мудрость. Жизнь обывателя является его расплатой за ошибки, но одновременно Лидгейт вырастает духовно.

Чехов более пессимистичен в своем взгляде на фигуру доктора Старцева. Финальной фразой «вот и все, что можно сказать про него» он как будто не оставляет герою никаких шансов на возрождение. Но одновременно этим финалом Чехов стремится подтолкнуть к возрождению своего читателя. «Вывод может быть только один, – пишет В. Б. Катаев, – бороться с превращением в Ионыча должен каждый – пусть надежд на успех в этой борьбе почти нет». И эта мысль полностью соответствует пафосу эпилога романа Элиот, призывающего по примеру Доротеи не смиряться с «несовершенством окружающей среды», ибо «благоденствие нашего мира» зависит порой от самых незначительных «житейских деяний», от людей, которые сумели прожить жизнь «незаметно и честно. Симптоматично, что и рассказ «Ионыч» заканчивается не подведением печальных итогов жизни талантливого врача Дмитрия Старцева: как и Элиот, Чехов стремится здесь противопоставить им других героев – семью Туркиных. В неизменности их «сердечной простоты», верности своим привычкам видится теперь позитивное начало: все той же незначительной, но простой и честной жизнью

они незаметно противостоят безысходности, бездушности засасывающей человека «житейской трясины».

Разумеется, близость произведений Элиот и Чехова не отменяет их явного отличия – прежде всего, в жанровой природе. Эпическое повествование романа «Мидлмарч» совершенно несхоже с «пунктирной» манерой изображения событий в рассказе «Ионыч» – впрочем, широта проблематики и хронотопа позволяет исследователям предполагать, что именно это произведение Чехов в одном из писем называл «маленьким романом». Есть отличия и в художественной манере писателей: налицо лаконизм Чехова, усиление драматичности его образов. Но эти расхождения только подчеркивают общее стремление писателей к объективному и максимально правдивому изображению художественной реальности, к научно-точному исследованию провинциальной действительности, той житейской «тины», в которой, по словам В. Б. Катаева, так «... неимоверно трудно оставаться человеком, даже зная, каким ему следует быть».

Проведенный анализ позволяет с уверенностью говорить о том, что рассказ «Ионыч» стал своеобразным откликом Чехова на европейскую философию личности, и прежде всего на викторианскую идею о героизме обыденной жизни, которую развивает в своем творчестве и Джордж Элиот.

Предпринятое ею исследование того, как складывается судьба молодого интеллигента в провинциальной среде, находит свое продолжение в рассказе Чехова, где герой еще видит несовершенство окружающей его «трясины», но уже равнодушен к себе, к истинному предназначению человека, а потому стремительно теряет человеческие черты. Принципиальная близость нравственного пафоса и особой природы объективности творчества Элиот и Чехова указывает на факт своеобразного диалога двух крупнейших европейских писателей и позволяет существенно обогатить представление о литературном процессе второй половины XIX в.

ЦГТБ имени А.П.Чехова